

Татяна Иванько

Золото. Том 6

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Золото. Том 6 / Иванько Т. В.; худ. Иванько Т. В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 113 с.

ISBN 978-5-532-95863-0

Нависла неминуемая гибель. Как поведут себя герои на грани? Можно ли победить, когда всё и все против? Или не победить нельзя? Встреча брата и сестры, разделённых временем, ненавистью и непониманием, к чему она приведёт? Какие ещё неожиданные встречи, ведущие к спасению или гибели приготовлены героям. Кто всё же выйдет победителем? Возможно ли победить и проиграть одновременно? И минует ли Великий Север гибель, предвиденная и предсказанная Великим жрецом?

ISBN 978-5-532-95863-0

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 22	4
Глава 1. Горячая встреча	4
Глава 2. Слепота	16
Глава 3. Ошибка или данность	23
Глава 4. Чудо	39
Глава 5. Слабость	48
Глава 6. Пора пролить крови	53
Глава 7. Истребление	65
Часть 23	78
Глава 1. Трещинки	78
Глава 2. Весна вернулась	88
Глава 3. Зной	98
Глава 4. Солнцеград	105

Часть 22

Глава 1. Горячая встреча

Я был готов выехать ещё до того, как прискакал гонец из Солнцеграда с вестью, что больна царица. Я уже держал моего коня под уздцы, выводя из конюшни, когда гонец, раненый в плечо, влетел на главный двор Каменного лога. Оказалось, он напоролся на дозор вражеской рати.

– Я их в болото завёл, мне места известные, а они за мной, цельный отряд увязался...

Радостно засмеялся, морщась и чуть-чуть невольно увёртываясь от моих исцеляющих прикосновений раненый вестник. Счастлив, что спасся, что до своих добрался.

– Но они в полудне пути от Солнцеграда, Великий Белогор, – он посмотрел на меня, чуть ли не жалобно. – Нам не проехать уже. Думаю, уж дошли туда, пока я трусился в седле досюдова. Они Солнцеград окружают, тихо-ошко идут, тока акинаками да колчанами бренчат...

Рана его уже закрылась, когда я отнял руку, я подал знак слить мне, чтобы смыть его кровь. Я будто его глазами вижу всё то, что о чём он рассказывает, это несложно – его кровь на моих руках. И решение родилось само собой.

– Поскачем к Ориксаю. В Солнцеград будем пробиваться вместе с ним, – сказал я, стряхивая капли с рук, пока мне подали рушник вытереть.

Мои спутники бледные и напряжённые, согласны, но ожидают от меня ещё каких-то слов, объяснений.

– Думаю так, ребята: царица родила, – сказал я и оглядел их.

Лица прояснились разом. Улыбки, но и страх из-за того, что так быстро подошли вражеские войска. Лазутчиками, стало быть, полон Солнцеград.

– Поэтому двинулись на Солнцеград? – услышал я.

И ещё:

– И распутица им не помеха...

И кроме этого:

– Дак и распутицы нет в ентом году...

– Будто всё нарочно, так тает медленно, что и не...

Но нечего базарить попусту. Медлить здесь нам незачем.

– Хватит болтать, по коням! – сказал я, оглядев их.

И мы вскочили в сёдла, взмахнув плащами, как крылами. Скачка долгая, но мы налегке, до вечера мы уже встретили Орикса, вышедшего с дружиной к Солнцеграду.

Он собрал из нескольких городов, подготовленные за эти месяцы полки. Настоящую дружину, это верные воины, неслучайные, истинный оплот царя. Так что, с ним шли почти двенадцать тысяч. И ещё несколько тысяч должен собрать Черныш по городам. Так и предполагалось, только, что двинутся все немного позднее, что Ава успеет уехать из Солнцеграда и спрятаться ещё до родов. И когда я сказал ему о рождении сыновей, Орикса испугом в глазах встретил мою новость.

– Так не успела?.. – ахнул он, опускаясь на лавку, будто силу в ногах потерял.

– Ты... сядь, Орикса, – сказал я, испугавшись, что он упадёт. Расшибётся ещё.

Мы в шатре с ним, после Совета, после вечера. Я остался, чтобы рассказать о том, что знаю теперь сам, знаю точно, так же уверенно, как и то, что вижу его перед собой:

– Она в Солнцеграде. А детей спрятала. Я знаю, – сказал я, глядя в его зрачки, чувствуя, как сердце быстро колотится в нём, чувствуя его страх. В нём ещё никогда не бывало страха...

Он посмотрел на меня:

– Не понимаю... ты... был там? Тогда, как ты здесь?

– Если бы был... – покачал я головой, сел напротив него на топчан. – Нет, Орик, я не был в городе. Но я знаю это.

– Знаешь... – он поднялся, заходил сердито по шатру: – Ты всё всегда знаешь, – пробормотал он, качая головой, почти сердито. – Так она одна там?

– С Яваном. Не так мало.

Орик обернулся на меня, мгновение подумал и кивнул согласно.

– Немало. Яван умрёт за неё, – уверенно произнёс Орик.

– Все, кто там, умрут за неё.

– И мы с тобой ещё. Беда в том, что она умрёт за любого из нас.

Я покачал головой и сказал, успокаивая то ли его, то ли себя:

– Не так легко убить её. Она не дастся Смерти.

Утро пасмурное, мелкий дождик, скорее даже водяная пыль висит в воздухе, оседая мелкими капельками на всех поверхностях, сам воздух кажется влагой, втекает в ноздри, касается кожи. Было уже раннее утро, когда мы с Онегой поднялись на вновь выстроенную стену и увидели обступившую город громадную рать, дальние околичности которой терялись в тумане.

– Ванюша, помнишь, как гуляли с тобой под таким дождём в Ганеше? – спросила Онега, не глядя на серо-чёрную массу, оцетинившуюся пиками, покачивающуюся конницей, блестящую от влаги бронёй и оружием. Она смотрит выше их голов, куда-то вдаль, в туман. И, по-моему, не в этот, что я вижу перед собой, а другой, в тот, что был когда-то в Ганеше. Будто мы не перед лицом раскрывшей объятия Смерти стоим...

Потом посмотрела на меня.

– Поверить не могу, что это было. А ты?

– Жалеешь? – я посмотрел на неё. Неужели правда не боится?

– О чём?

– О том, что мы не остались там?

Онега покачала головой:

– Никто не спрашивал нас, чего мы хотим, так ведь?

– Тебя не спрашивали, верно... А я...

– Не надо, Ваня, что теперь... Я вспомнила не для того, чтобы ты жалел снова... А... Хорошо было. И как не с нами, – она улыбнулась тихо.

Да нет, с нами, ты не хочешь, чтобы всё это было с нами, но было с нами. С нами, Онега! И если сейчас умереть, я знаю, что жил не

зря, видел и любовь, и счастье в лицо. Ушло всё, упустил я, но видел, знаю, что есть. И во мне всё живо...

– Ты... Не бойся, – сказал я, чувствуя силу ста человек в себе.

Онега засмеялась:

– Ну и ты не бойся, Ванюшка! – смотрит и правда весело, глаза блестят.

Взглянула вниз и сказала с усмешкой:

– О-о... Вона, погляди-ка, мой братец, – она кивнула на выехавшего вперёд всадника. – Красавец, ничего не скажешь, гляди!.. Но ты лучше, Ваня, правда-правда!

Боги, шутит ещё! Кто бы ещё на её месте шутил?

Орик, вот, кто шутил бы...

Всадник в алом плаще, на высоком белом без пятен коне, в золотом шлеме. И двое за его плечами, Доброгнева за правым плечом, Явор – за левым. Но они довольно далеко от него, он значительно впереди. Алый плащ мокнет под дождём, превращаясь в неприглядную тряпку.

– Ава, спускайся! Не мокни на стене, тебе вредно – только родила, простынешь! – крикнул Дамагой, усмехаясь.

– Меня простудой не возмёшь, Дамагой! – ответила царица со смехом. – Ты же знаешь, такие как я, простудами не болеют! Золота ржа не берёт! Это тебе поберечься надо, простой человек! Сын весёлой потаскухи.

– Ну, дрянь... – услышали мы его бормотание, он набычился, подняв плечи, качая головой в богатом золотом шлеме.

Потом поднял голову, и лицо его стало бледно, черты обострились:

– Я сын потаскухи, это верно, но мне, мужчине, не стыдно. Вот тебе-то каково, самой потаскухой быть?! Я сам научил тебя отлично на спинку опрокидываться. Помнишь ещё, золотая царевна?! Али под тыщами других давно позабыла?!

С расчётом на окружающих сказал, на ратников, смутится Онега, унижены и побеждены они. Но с нею, с Онегой такое не пройдёт, уж я-то знаю. Ничто не дрогнуло в ней от его слов. Верно, золота ржа не берёт.

– Дак не о чем особенно было помнить-то, добрейший братец! – как ни в чём, ни бывало, продолжила легко смеяться царица. – Ты чего привёл свою банду? Лунная жрица не боится тебя, как Белогора, который её, бедняжку, так притеснил, что ни одного её Лунного двора не тронул?.. Явор, вы с Дамагоем как делите любовницу? Али ты не знаешь, что они сто лет знакомы и всегда о-очень близко дружили! Ты бы поглядывал! А то они сейчас победят, и на что ты им станешь нужен?! Может, думаешь, тебе корону наденут?! – царица приснула даже. – А-атличный союз у вас! Крепкий, честный! Чести особенно много. Хоть взаймы бери, ковшами отвешивай. Всё царство затуманили своим враньём. Надолго ли, Доброгнева?!

– Болтаешь много, Ава, – произнесла Доброгнева, усмехаясь, изящно сидя в седле в тяжёлом бело-чёрном одеянии, расшитом жемчугом так богато, что оно кажется чешуйчатым. Она легко придерживает уздечку, серая кобыла пританцовывает под ней слегка.

Так и есть, чешуйчатые чудище вместе с лошадыю...

– Боишься, знать, – добавила Доброгнева.

Но царица не смутилась и этими словами:

– Боюсь. Как не бояться? – легко согласилась и даже с улыбкой. – Несмотря на то, что клячи под вами все грязью замазались, как и алые плащи ваши. Вас вон, тыщ тридцать, поди, приташилось, а нас тут всего ничего. Ясно – боюсь, и не скрываю. Но теперь и ты бойся, лживая подруга, за спину гляди! У Явора, помнится, острый меч. А нам... Что вы нам можете сделать, кроме как убьёте?

Под её непринуждённые и весёлые даже речи, я чувствую, как меня отпускает напряжение, я обернулся на воинов около, и у них на лицах просвет, никто не боится, когда так говорит бесстрашная весёлая царица. Сияющая золотая царица, уверенная, что как бы ни сложилось, победа – наша, потому что то будет победа духа.

– Сдайтесь, Ава, – проговорил Дамагой. – Сбережете жизни.

Царица, продолжая улыбаться, обернулась на стены, оглядела наших воинов, и вдруг они, будто прочитав её мысль, как по команде, повернулись спинами и сняли штаны, обнажив зады, выкрикивая при этом нахальные и оскорбительные лозунги в адрес пришедших завоевателей.

– Уж извини, Дамагой, – крикнула царица, смеясь. – Но нам сдаваться не к лицу. Чего же царю скажем? Нет, не пойдёт!

– Детей пожалей, стерва! – крикнула Доброгнева.

– Царские дети не для жалости рождаются, но для чести! – выкрикнула царица, и будто эхом разнесло её слова над войском.

И над вражеской ратью.

И подхватили криком воины на стенах, ударяя в стену и вскидывая мечи и кулаки вверх, в самое небо.

– Я не хочу жечь город нашего отца, Ава, откройте ворота, – продолжил Дамагой, дождавшись пока смолкнет гвалт. – Не умрёт никто, станете жить, как жили, ещё лучше, спокойнее.

– Я – золотая царица, я рождена для трона! И мне твои посулы смешны, беглец и низкий обманщик! – выкрикнула царица.

И все услышали её. И гордо выпрямились непростая царица с нами, не обычная жена царя. Она – сам Великий Север, плоть от плоти и даже кровь от крови.

– А спокойствие оставь жёнам своим толстозадям! – добавила царица. – Ты некогда уже сулил мне свою дружбу, для меня закончилось плохо! Ты теперь Доброгневе дружбу и вечную любовь подари! Я обойдусь моими друзьями!

– Тогда все умрёте!

Наши ратники закричали, завопили:

– Авилла!

– Ориксай!

– Авилла!

– Ориксай!

– Авилла!

– Ориксай!

– Яван! Яван!

– Медведь!

– Воевода Яван!

Волна голосов всё выше, всё мощнее.

И с новой силой:

– Север!

– Ве-ли-кий Север!

– Север!

– Север! Се-вер! Се-вер! Се-вер!..

И повторяли так вновь и вновь, ударяя мечами и крепкими юфтяными сапогами по стене, в такт словам, создавая невероятный ритмичный грохот и шум. И я орал вместе со всеми. К тому же ещё выбрасывая решительный и злой кулак с зажатым мечом в небо. Плевать, что Смерть несметной ратью пришла под стены солнечной столицы. Никто не победит нас. Убить можно, но не сломить!

Мы спешим. Ни я, ни Белогор не знаем, где мои дети. Но если он спокоен, если Авилла сделала так, что Белогор не волнуется об их судьбе, а он не мог не волноваться, будь они в опасности, то и я должен быть спокоен. Мне странно это, я никогда раньше не думал о детях. Но сейчас я понимаю, что я так много думаю о новорожденных сыновьях, чтобы не думать об Авилле.

– Белогор, ни ты, ни Авилла так и не рассказали, что было, когда мы встретили Дамагоя, – я посмотрел на Белогора.

Мы весь путь едем плечо к плечу, нельзя гнать, пешие не поспеют. Мы будем у Солнцеграда к завтрашнему утру, мы идём почти без привалов, и без ночёвки. Но перед самым городом надо дать войску роздых. Воевать усталые люди не должны.

Он повернул лицо ко мне, ставшее жёстким, дёрнулись губы, глаза сверкнули сталью, несмотря на сумеречный мягкий свет, но в них своё излучение, изнутри.

– С ней поступили жестоко, Ориксай, – чётко произнёс он и долго смотрел на меня, словно хотел увидеть, насколько глубоко вошло лезвие, которое он вонзил. – Так, что я лечил её несколько дней. Страшно... И то, что царевичи живы остались – это... Словом, Бог их сберёг.

Мне будто дали по лицу несколько раз, а потом под дых.

– Ты... почему не сказал... – задохнулся я.

Белогор отвернулся и добавил глухо:

– Время пришло и говорю.

И снова посмотрел на меня, прижигая раскалённым железом мои раны: